Текст · 24 октября 2023, 09:14
Егор Кириллов,

Воспоминание о нутовом кофе. Как живут армянские беженцы спустя месяц после исхода из Нагорного Карабаха

Лагерь для беженцев в городе Ехегис провинции Вайоц Дзор вмещает около ста человек. Их разместили в здании детского санатория «Сирануш», который принадлежит Вайоцдзорской епархии Армянской апостольской церкви. В сентябре лагерь получил от Международного комитета Красного Креста матрасы и запас продуктов, помогает беженцам и епархия. Сколько таких лагерей сейчас в Армении, ни в миграционной службе, ни в министерстве труда и социальных вопросов «Медиазоне» сказать не смогли.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

Координаторка лагеря Оксана происходит из смешанной украинско-армянской семьи, в 2020 году она переехала в Армению из Киева. Оксана работает в армянской НКО *Syunik Development*: во время второй карабахской войны помогала беженцам из Нагорного Карабаха, после начала российского вторжения в Украину — украинцам.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

«В 2020 году[1] мы здесь уже принимали беженцев, поэтому вопросов, где делать лагерь, не было. Правда, тогда было ясно, что это временно, но сегодня ситуация другая», — рассказывает Оксана, сортируя теплые вещи на складе одежды.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

Когда корреспондент «Медиазоны» приехал в Ехегис, ночью на улице было уже +3. Поэтому главная проблема в лагере — теплые вещи. Волонтеры организуют доставку одежды по запросу координаторов.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

«В телеграме сделали чат, где каждую поездку организовываем и спрашиваем, что нужно. Когда кто-то в чате пишет, что едет в лагерь, то мы максимально загружаем эту машину гуманитаркой. Сегодня нас везли друзья и внезапно сами решили

оплатить все покупки в магазине — такие моменты заставляют верить в людей», — рассказывает волонтерка Майя, которая приехала помогать в лагерь.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

Майя с братом переехали в Армению из России в марте 2022 года. В Ереване девушка занимается организацией концертов и благотворительных мероприятий. «Когда Азербайджан начал обстреливать Армению в 2022 году, появилось много людей, которые были готовы помогать, и мы начали объединяться. Поэтому передо мной не стоял выбор, что делать», — говорит Майя.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

Волонтеры приезжают в Ехегис каждый день. Кроме помощи на складах, они стараются создать для беженцев комфортную среду, чтобы вернуть людям чувство безопасности: в лагере играет большая музыкальная колонка, проходят кинопоказы, работают мастерские, для детей приезжал кукольный театр.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

Дети из лагеря охотно играют в волейбол и футбол, но каждый день поиграть не удается — по будням их развозят в школы ближайших поселков и деревень.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

Школьный автобус предоставлен той же НКО *Syunik Development*. Водитель — один из переселенцев, который, как и все здесь, покинул свой дом 19 сентября.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

В целом детям в лагере как будто неважно, чем именно занято свободное время: им нравится любая активность как таковая, от катания на велосипедах до разгрузки одеял.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

Масису 12 лет, он из села Чартар Мартунинского района. Когда начались обстрелы, мама была в городе, а отец-военный — в части. Масис собрал своих братьев и сестер и отвел в подвал, где они оставались до прихода старших.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

«Они дети, но они взрослые. Они видели то, что вы не видели», — говорит один из мужчин-беженцев корреспонденту «Медиазоны».

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

«Особенно трудно было слушать людей в первые дни, когда у людей свежие раны в душе, — вспоминает Оксана. — Была женщина пожилая в первые дни, я ей постельное белье даю, а она сидит просто в ступоре, взгляд пустой, смотрит прямо, и все. Я не знала, что делать, и просто обняла ее. Другая женщина помогала в прачечной, а этажом выше в

комнате лежал громкоговоритель, и дети нажали на нем сирену. И эта женщина сразу пригнула голову, и по ее глазам виден был испуг».

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

Гехецик долго жила в России, но в 2022 году вернулась на родину. Она помогла вывезти 17 детей в кузове ЗИЛа, а всего на этой машине границу пересекли 37 человек.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

У Жанны с мужем восемь детей. «Мы не знаем, куда дальше нам двигаться, у нас ничего нет, мы в селе жили, кто нам поможет?» — со слезами говорит женщина.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

«Каждому моему ребенку нужна еда, одежда, все осталось дома... Сейчас зима будет, жить где нам? Монте самый маленький, из одежды вырастает очень

быстро», — умело разнимая двух дерущихся сыновей, продолжает Жанна.

> Согласно сайту правительства Армении, ежемесячное пособие для вынужденных переселенцев составляет 40 тысяч драмов-[2] на аренду жилья плюс 10 тысяч драмов-[3] на оплату коммунальных услуг, также все переселенцы должны получить 100 тысяч драмов[4] единовременной выплаты.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

С первого дня на территории лагеря работает психолог. Все близкие контакты волонтеров и журналистов с беженцами должны проходить либо в ее присутствии, либо по согласованию с ней: у людей здесь очень много свежих триггеров, и напоминание о пережитом может их заново травмировать.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

«В целом, мужчины еще не готовы разговаривать с незнакомцами. В большинстве своем они военные, поэтому важно учитывать данный факт при попытке

контакта с ними», — объясняет психолог Рузанна Бадалян.

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

В другом лагере для беженцев, который разместился в курортном поселке Анкаван Котайкской области, корреспондент «Медиазоны» разговорился с Эллой. Ее единственный сын служил в армии непризнанного Нагорного Карабаха и 19 сентября находился в части. Когда в регионе отключили связь, Элла и ее муж два дня не могли с ним связаться.

«Мне сын говорил, когда бомбежка была, они медленно очень наверх шли к своим, проходили пост миротворцев российских, они показали наверх, мол, ваши там, даже не предложили укрыться, хотя знали, что по ним бить не будут. Муж на вторые сутки пошел спрашивать больницы и морги, мы боялись его там обнаружить. А быстро сказать не могут, так как погибших много. Но потом, слава Богу, он вышел на связь. Миротворцам на вертолете привозили еду, но нам они не давали — не знаю, может, азербайджанцы им запретили. Когда магазины стали пустые, мы ели, что растет или что осталось. Например, жарили нут, мололи его через кофемолку — и вот нутовый кофе. За хлебом муж вставал и шел в четыре-пять утра по талонам, это один лаваш сухой на семью в сутки... Дети спрашивают, почему нет сникерсов, говоришь: "Мы в блокаде". А дети спрашивают: "Что это такое?".

А сейчас сын в столовую кушать не ходит, ассоциации — как на войне, как в армии».

Фото: Егор Кириллов / Медиазона

Среди беженцев в Анкаване есть бывший офицер армии непризнанной республики, попросивший не называть его имя. О том, что происходило в Нагорном Карабахе перед нападением, он рассказывает слегка дрожащим голосом.

«Мы по камерам еще за четыре-пять месяцев до начала вторжения видели, как они потихоньку стягивают технику, а за три-четыре дня страшное количество техники было. Раньше жили как-то вместе, ну, как-то да жили, а сейчас не могу представить! До сих пор боимся, когда летит самолет или звук машины с трассы в горах — это звук, как у беспилотника... Когда уходили, военные билеты сказали сжечь, чтобы с азербайджанцами проблем не было. Когда все это рассказываю, то снова все переживаю заново. У меня друг умер на войне, а он мне снится, говорю с ним».

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Во время второй карабахской войны осенью 2020 года.

2. Примерно 9 500 российских рублей.

3. Примерно 2 300 рублей.

4. Примерно 23 500 рублей.